

Константин Иванович ДУШЕНОВ

В 1937 году рыбаки Мурманского тралового флота назвали своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР командующего Северным флотом Константина Ивановича Душенова. Море их вздымало на штормовых волнах одно — Баренцево. И на рейдах, и у причальных стенок судоремонтных предприятий сторожевики, тральщики, подводные лодки военного флота прижимались просоленными бортами к рыболовным траулерам и сейнерам.

В записной книжке Душенова теснился плотный график встреч с жителями Кольского полуострова.

16 ноября — Мурманск. 17 часов — Дом культуры имени С. М. Кирова, 20 часов — кинотеатр «Северное сияние».

17 ноября — Кировск. Клуб.

18 ноября — Мурмаши. Клуб «Энергетик».

19 ноября — Мончегорск. Клуб металлургов.

20 ноября — Полярный. Дом Красного Флота.

Порт-Владимир, Озерко, Чан-Ручей, Ловозеро, Гремиха, Териберка...

Встречи превращались в многолюдные собрания и митинги. Никто не снимал с Душенова обязанностей командующего флотом, и, возвратившись в Полярный, он до глубокой ночи, прогоняя усталость и сон крепким чаем, изучал сводки, радиোগраммы с моря, выслушивал доклады, отдавал распоряжения.

...Доверенные лица рассказывали биографию кандидата в депутаты. Она была крута, как морская волна; дробясь на годы и события, вливалась в стремительный поток, которым бурлила страна в начале двадцатого века.

Родился 10 августа 1895 года в семье крестьянина Вологодской губернии. В тринадцать лет решил отправиться на заработки в город. Мать плакала — боялась, как бы сын не попал на кривую дорожку: в том мире легко можно

было опуститься на дно, — но он дал слово, что этого не будет.

Два года бегал посыльным в аптеке, колот дрова и топил плитку, чистил и мыл посуду, таскал тяжелые ящики и корзины с бутылками. Вечером без сил падал на жесткую подстилку под лестницей. Хозяева старательно заботились, чтобы он меньше ел и спал и больше работал.

Потом был Петроград и еще четыре года на химико-аптекарских складах.

В 1915 году Душенов впервые увидел море. Вначале с кронштадтского берега: там во флотском экипаже познавал азы матросской службы. После учебного транспорта «Русь», долго казавшегося огромным и таинственным существом, поднялся по трапу крейсера «Аврора», довольно известного корабля. Грозный для того времени крейсер (водоизмещение — 6731 тонна, мощность — 11 600 лошадиных сил, вооружение — сорок различного калибра орудий и три торпедных аппарата, экипаж — 570 человек) с 1903 года нес службу в военно-морском флоте России.

1 марта 1917 года моряки «Авроры» избрали первый на кораблях Балтийского флота судовой комитет. В конце того же месяца комитет РСДРП 2-го городского района Петрограда принял в свои ряды первых авроровцев. К июню 1917 года в большевистскую партию вступили 42 моряка крейсера. Душенов тогда еще не был с ними, но сообразительного и справедливого старшину большевики время от времени привлекали к своей небезопасной работе...

В октябрьские дни 1917 года Душенов вместе с другими матросами очищал от юнкеров Николаевский мост, возле которого бросила якорь «Аврора». А 25-го вечером с авроровцами и моряками других судов флота, солдатами Петроградского гарнизона штурмовал Зимний дворец. Потом конвоировал в Петропавловскую крепость министров Временного правительства. Возглавлял охрану дворца; первый комендант этого исторического памятника, он сделал все, чтобы сберечь для народа и сами здания, и хранившееся в них награбленное у людей добро. Оставался при этом связным между «Авророй» и Смольным: мотался туда и назад по набережной Невы, потом по Шпалерной то на подвернувшемся автомобиле, то на коне, а то и вовсе на своих двоих. Из тех дней остались в его памяти встречи с руководителями военно-революционного комитета Николаем Ильичом Подвойским и Яковом Михайловичем Свердловым.

К. И. ДУШЕНОВ

БАТ
«Константин Душенов»

Потом ходил в яростные атаки против Юденича и Краснова, командуя матросской ротой под Гатчиной. На Волге дрался с белогвардейцами в десантном отряде отважного Ивана Кузьмича Кожанова.

В гражданскую войну воевали за Советскую власть все пять братьев Душеновых.

Константин Иванович был направлен в Саратовский, а затем в Астраханский военные порты. За короткое время ему удалось навести порядок в одном и другом, восстановить разрушенное. Был углублен фарватер Волги, и по ней пошли к важнейшим промышленным центрам суда с бакинской нефтью. Следующее назначение — командир и комиссар Севастопольского военно-морского порта, которому интервенты нанесли большой ущерб.

В те годы разгорались жаркие споры о путях строительства вооруженных сил молодой Советской республики и, в частности, ее военно-морского флота. «Группа моряков, в том числе и я, — вспоминал Константин Иванович, — ходила лично к товарищу Ленину... Товарищ Ленин выслушал нас внимательно, поставил вопрос на Политбюро, где было отчетливо сказано, что „флоту быть“...»

Только через семь лет после революции представилась возможность основательно поучиться. С волнением входил в вестибюль Военно-морской академии в Ленинграде. При

крайне низком общеобразовательном уровне осваивать академический курс военных наук оказалось невероятно трудно, но Душенов учился отлично, и это было посылить только незаурядному человеку. Выручали трудолюбие и настойчивость, неумная жажда знаний.

Во время учебы в академии по заданию Петроградского райкома партии выступал на фабриках и заводах. Может быть, именно те встречи с пролетарскими массами питали его убежденность: не менее сильное, чем боевое, — оружие идейное.

В музее Северного флота хранится фотокопия удостоверения, выданного 4 июля 1927 года: «Командир Р.К.К.Ф. Душенов Константин Иванович выполнил все требования учебного плана и успешно окончил в 1927 году полный курс военно-морского факультета Военно-морской академии Р.К.К.А.».

В конце двадцатых годов Душенов командовал боевым кораблем на Балтике, служил в штабе флота.

Все больше проявлялась его склонность к науке. Еще в 1924 году к партийной конференции Черноморского флота он подготовил доклад «Об итогах и перспективах строительства флота», где первым обратил внимание на необходимость взаимодействия сухопутной армии и военно-морского флота. «Это единый боевой организм, — писал

он. — Флот, опирающийся на армию, — грозная сила. Разобщение флота и армии, что было свойственно царской России, губительно для интересов страны».

Боевые действия Черноморского, Балтийского, Северного флотов в 1941—1944 годах совместно с сухопутными фронтами и армиями убедительно подтверждают это.

В 1926 году в «Морском сборнике» Душенов опубликовал статью «О хозяйстве и хозяйственниках», где выдвинул идею систематической подготовки армейских и флотских хозяйственников в специальных средних и высших учебных заведениях. О такой подготовке в то время еще не помышляли.

В том же журнале в 1928 году он выступил со статьей «К истории вопроса о „малой войне“ на море». Здесь он обосновал идею строительства военных кораблей разных типов и назначений — крупных и небольших, быстроходных и неторопливых, для дальних походов и для близких, подводных и надводных, боевых и вспомогательных; таким образом, заложил теоретические основы создания военно-морского флота на годы вперед. Правильность и этого подхода подтвердила Великая Отечественная война.

Военно-научное общество страны считало Душенова активным своим членом, приглашало на заседания.

Наверное, эта пылкость ума, стремление проникнуть в неизведанное, заглянуть вперед сыграли не последнюю роль в том, что Душенова назначают начальником и комиссаром той академии, которую совсем недавно он закончил сам. Тут ему пригодился и опыт службы на боевых кораблях. Знал он и недостатки в обучении слушателей. Стараясь приблизить учебный процесс к интересам флота, он привлекает к преподавательской и научной работе командиров кораблей и частей, повышает роль оперативно-тактических дисциплин. Не оставляет при этом исследовательскую работу.

Одним из ярких научных достижений того времени является разработка Душеновым теоретических и практических основ обороны флота с суши. И опять, обращаясь к опыту Великой Отечественной войны, убеждаешься, насколько прозорливо глядел в будущее Константин Иванович. Залогом боевых успехов, скажем, того же Северного флота в годы войны были его крепкий тыл, мужество и стойкость воинов Карельского фронта, 14-й армии.

После академии Душенов принял дела и обязанности начальника штаба морских сил на Черном море. И здесь

его работой оставались довольны самые высокие инстанции. В июле 1935 года Высшая аттестационная комиссия под председательством С. М. Буденного отмечала: «Под руководством тов. Душенова штаб флота как орган управления работал вполне удовлетворительно. Лично тов. Душенов — хорошо подготовленный, волевой командир».

Вскоре после этого Душенов получил новое назначение — командующим Северной военной флотилией.

Ко времени прихода Душенова в 1935 году боевую мощь флотилии составляли всего три эсминца, три сторожевика (их в шутку называли «дивизионом плохой погоды» — «Ураган», «Смерч» и «Гроза»), три подводных лодки, два тральщика, плавбаза «Умба». Почти не было зенитных батарей и вообще береговой обороны, не было авиации, отсутствовала ремонтная база для кораблей и подводных лодок.

Чтобы обеспечить высокую готовность боевых кораблей, новый командующий организует серию дальних походов в Баренцево, Норвежское, Гренландское моря, на запад и на восток от Полярного. В 1935 году подводные лодки Северного флота достигли Новой Земли, затем через пролив Маточкин Шар прошли в Карское море, намереваясь обогнуть с востока северную оконечность острова. Встретив сплошные льды, повернули назад и вдоль западного побережья Новой Земли прошли к мысу Желания и спустились до Нордкапа. В этом походе участвовал и сам командующий. В следующем году — новые дальние походы протяженностью до семи тысяч миль.

Интенсивными и напряженными были плавания надводных судов. Казалось, Душенова радовала, бодрила неустойчивая, переменчивая заполярная непогода; чем свирепее штормы, чем гуще и плотнее туманы, тем чаще посылал он корабли в море, да еще ночью, да без огней. При этом смело брал на себя ответственность за судьбы людей.

Командир отдельного дивизиона эскадренных миноносцев, впоследствии адмирал Виталий Алексеевич Фокин с благодарностью вспоминал: «Настоящая боевая организация флота началась только при тов. Душенове. Мы... с ним вместе начали совершать большие подводные походы, весь театр излазили на подводных лодках, знали его хорошо... совершали на Севере такие продолжительные автономные плавания, каких не совершала ни одна подводная лодка других стран».

«Командир часто сам выходил в море, — вспоминал будущий начальник политотдела П. М. Клипп, — и тогда команда корабля знала, что будет более сложное учение, больше, чем обычно, тревог...»

Обмерзали корабли, и моряки учились бороться с этим опасным явлением. Густая пелена тумана надолго закрывала море — экипажи тренировались и в таких условиях. На опыте учений разрабатывали новые методики и правила. В 1935 году три четверти всех стрельб выполнили на «хорошо» и «отлично». Душенова наградили орденом Красной Звезды (в апреле 1938 года он получил еще награду — орден Красного Знамени).

Как дальше развивать и укреплять военно-морские силы на Севере? В 1936 году об этом шла речь на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), куда пригласили и Душенова. Город Полярный решено было сделать столицей будущего флота, намечалось создать ряд маневренных баз и аэродромов, судостроительных и судоремонтных предприятий.

С новыми силами взялся Душенов за работу.

11 мая 1937 года нарком обороны СССР издал приказ о реорганизации флотилии в Северный флот. Это не было простой переменной названия. Быстро усиливался корабельный состав флота, строились военно-морские базы. Оборудовались причалы, аэродромы, прокладывались дороги.

Афористичными, широко известными на флоте становились высказанные Душеновым мысли. Моряки повторяли их в море и на берегу: «Тот не моряк, кто боится глубоких погружений»; «Без риска и ответственности не бывает серьезных решений»; «Штаб — не собиратель сведений, а командный пункт»; «Без разведки можно стать жертвой слепого случая»; «Командир и комиссар одно дело делают».

Преданность делу революции, организаторские способности, трудолюбие и целеустремленность командующего высоко оценили североморцы. Не менее привлекательными были и чисто человеческие качества Душенова. Подводники вспоминали, что Константин Иванович обязательно заглядывал в кубрики, обходя корабль. И. А. Колышкин отмечал, что Душенов был исключительно прост и доступен для каждого. Его можно было видеть в семьях офицеров и сверхсрочников, на субботниках и на вечерах флотской художественной самодеятельности, на лыжных вылазках. Другие знавшие его люди ценили личное обаяние командующего, его чуткость и внимательность. Он не терпел показухи ни в чем.

Мурманская «Полярная правда» как-то отвела рассказу о Душенове целую страницу, предоставив слово самым разным людям. Инспектора физической подготовки больше всего поразило, что только здесь, в Заполярье, впервые встав на лыжи, командующий уже делал дальние переходы; ему импонировало, что Константин Иванович охотно играл в теннис, частенько надевал коньки, брал в руки хоккейную клюшку. Режиссеру флотского театра было по душе, что после каждой премьеры Константин Иванович приходил за кулисы и подолгу беседовал с актерами, знал каждого по имени-отчеству. Рабочий-строитель не раз видел командующего в рабочей спецовке на строительстве нового Дома флота.

Осмотрев причал или аэродром, Душенов непременно направлялся на строительные площадки, где возводились жилые дома. По его указанию во многие военные городки завезли коров, чтобы детям выдавалось свежее молоко. В частях появлялись теплицы, где выращивали лук, другие овощи. Повсюду оборудовались стадионы, спортивные площадки.

Еще любопытная деталь: очень уважительно относился командующий к газетчикам, хотя не любил, чтобы «выставляли» на газетных страницах его самого. Звонил, подсказывал темы, хвалил за удачные выступления, брал в совместные поездки, посылал за журналистами свою машину. Часто писал сам: не терпел статей, которые приносят начальству на подпись, — такой подход считал развратом.

Но было бы заблуждением представлять Душенова этаким «добреньким дядей», осыпающим своими милостями всех и вся. По характеру это был волевой, требовательный, упрямый, порой жесткий и даже суровый человек. Он мог вспылить, взорваться. Но и остывал быстро, извинялся, если чувствовал свою вину. Ни в чем он не давал поблажек ни себе, ни другим. Родственники его, считая предосудительным воспользоваться хоть в чем-нибудь высоким положением Душенова, жили весьма скромно, ничем не выделяясь среди других людей. Мать и две сестры (отца уже не было в живых) продолжали работать в колхозе в разных местах. Старший брат занимал невысокую должность в одной из строительных организаций на Дальнем Востоке, младший работал на одном из ленинградских заводов рядовым рабочим.

Никто не мог упрекнуть Душенова и в недостаточной любви к Родине. А время было непростое: тридцатые годы. Очень много накапливалось вокруг недоверия и подозри-

тельности. Слишком часто приклеивались обидные и опасные ярлыки. На основе непроверенных заявлений и клеветнических измышлений из партии исключались преданные люди. И он, своими руками творивший Октябрьскую революцию, авроровец, будто отвечая на возможные вопросы, говорил на одной из встреч с жителями Мурманской области:

— Я видел на фронтах гражданской войны, как зверски издевались над трудящимися белогвардейские офицеры. Здесь, на северном побережье, в Иоканье, иностранные интервенты наших большевиков и всех тех, кто им сочувствовал, пачками расстреливали и суровой зимой голыми выгоняли на мороз. Кто видел все эти ужасы гражданской войны, тот не может изменить советскому народу, который борется за счастье всего человечества...

Он верил в сообщения, что на многие участки работы пробрались вредители. Когда на Мурманском судоремонтном заводе срывались плановые ремонты кораблей флота, считал, что это тоже дело их рук, и говорил об этом на собрании актива области:

— Еще год назад на пленуме горкома партии я сигнализировал о вредительстве на судоремонтном заводе...

На том же собрании актива он критиковал секретаря парткома комбината «Североникель» за то, что тот не сказал, как партийная организация ликвидирует последствия вредительства на этой крупной стройке.

Но тревожные чувства не могли не закрадываться в его сердце. Трудно было понять, почему вокруг оказывалось так много вредителей и врагов народа. Подвергались аресту близкие ему люди, в честности и порядочности которых он не сомневался. Михаил Николаевич Тухачевский, член партии с 1918 года, Маршал Советского Союза, первый заместитель наркома обороны... Иона Эммануилович Якир, член партии с 1917 года, командующий Украинским военным округом... Ян Борисович Гамарник, член партии с 1916 года, член ЦК ВКП(б), заместитель наркома обороны... Павел Ефимович Дыбенко, член партии с 1912 года, в 1918 году — нарком по морским делам... Иван Кузьмич Кожанов, старший товарищ по боям с белогвардейцами и по службе на Волге, член партии с 1917 года, командующий Черноморским флотом...

И в Мурманске творилось неладное. «Врагами» оказывались члены окружного и городского комитетов партии, руководители областных учреждений и организаций, предприятий и строек.

И на его Северном флоте — тоже.

4 сентября 1937 года был расстрелян его предшественник, бывший командующий Северной военной флотилией Захар Александрович Закупнев. Весной 1938-го арестовали и командира бригады подводных лодок капитана 1 ранга Константина Николаевича Грибоедова. 17 мая 1938 года неожиданно вызвали в Москву Байрачного, члена Военного совета флота. Душенов хорошо знал его еще по службе на Черном море. Назад Петр Порфирьевич уже не вернулся. 31 мая на квартире в Полярном взяли начальника штаба флота капитана 1 ранга Павла Спиридоновича Смирнова.

В июне позвонил в Мурманск нарком Военно-Морского Флота, прямо во Дворец имени С. М. Кирова, где на окружном партийном собрании находились Душенов и начальник политуправления флота П. М. Клипп, потребовал срочно выехать в Ленинград. С тяжелым чувством садились в поезд. Предчувствие не обмануло — в дороге арестовали обоих. С этого времени они уже встречались не на флотских и окружных совещаниях, а в тюрьмах — на допросах и очных ставках.

Уцелевший, выживший П. М. Клипп впоследствии поведал то немногое, что ему было известно о судьбе Душенова. В частности, припомнил такой эпизод.

Следователь, безуспешно пытавшийся доказать «вредительство» Душенова, дал волю рукам. Высокий и широкоплечий, гордый моряк не потерпел унижения, ответил тем же. Следователь рухнул на пол камеры и с трудом дотянулся до кнопки звонка, чтобы вызвать конвойных.

Менялись следователи, но приемы их на допросах оставались неизменными: выдумки, подтасовки, унижения, пытки. Стремилась вынудить допрашиваемых дать показания против товарищей, коллег. Но и Душенов, и другие североморцы — Павел Спиридонович Смирнов, Константин Николаевич Грибоедов держались достойно.

Родной брат Душенова, работавший в «Дальстрое», Николай Иванович оказался в магаданской тюрьме. Оттуда окольными путями сумел отправить письмо Папанину. В московскую квартиру на Арбате пришел и сын Константина Ивановича Душенова — Юрий. К кому еще было обратиться? Дядя Юрия знал Папанина еще с двадцатых годов. Отец близко познакомился с ним во время операции по спасению отважной четверки со льдины. Душенов командовал тогда всеми силами, направленными к Северному полюсу. К полярной станции по его приказу ушли гидрографические суда «Мурман» и «Таймыр», эскадрен-

ный миноносец и четыре подводные лодки. Душенов держал связь с кораблями и со станцией круглосуточно. Сохранилось множество благодарственных телеграмм Папанина командующему Северным флотом, в которых он не скупился на добрые слова.

Но в критическую минуту, будучи на твердой земле, в почете и славе, отважный полярник не решился обратиться к Сталину по поводу Душенова, его жены (она тоже была арестована) и брата. Вряд ли можно сейчас строго судить его за это.

Есть свидетельства, что и в заключении революционер, большевик, коммунист Константин Иванович Душенов оставался преданным своей Родине, партии, верил, что несправедливостям в стране будет положен конец.

В 1965 году в журнале «Знамя» появились «Колымские записи» Георгия Шелеста, называвшего себя товарищем Душенова по несчастью, комбригом ВЧК — ОГПУ. Он утверждал, что Душенов умер в 1940 году на Колыме, простудив легкие, и что якобы он сам схоронил его. Но достоверность этой публикации полностью опровергнута сообщением Верховного суда СССР о том, что К. И. Душенов был приговорен к смертной казни 3 февраля 1940 года и на следующий день его расстреляли.

В 1956 году Константин Иванович Душенов был полностью реабилитирован. Страна возвратила его честное, незапятнанное имя прежде всего Заполярью: в Североморске, Полярном, Гаджиево появилось оно в названиях улиц. В Мурманском траловом флоте его носит на борту большой автономный траулер.

12 августа 1965 года исполком Североморского городского Совета народных депутатов принял решение: за активную революционную работу на легендарном крейсере «Аврора», участие в штурме Зимнего дворца, активные боевые действия во время гражданской войны, плодотворную организаторскую работу в строительстве военно-морских сил, боевые заслуги и умелое руководство в становлении и укреплении молодого Северного флота, помощь партийным и советским органам в развитии народного хозяйства на Севере, в строительстве населенных пунктов, в том числе поселка Ваенга, преобразованного в 1951 году в город Североморск, присвоить звание «Почетный гражданин города Североморска» первому командующему Северным флотом, депутату Верховного Совета СССР первого созыва, флагману 1 ранга Душенову Константину Ивановичу...

Не прервалась и живая связь Душенова с флотом. Его сын Юрий Константинович Душенов много лет отдал флотской службе и ушел в отставку в звании капитана 1 ранга. Профессиональным военным моряком стал внук Константина Ивановича Душенова, сын Юрия — Константин Душенов.

Мечтает о флоте и правнук Артем.

С. ДАЩИНСКИЙ